

The background is a rich, textured painting. A large, bright red heart is the central focus, floating upwards. The sky around it is a mix of soft blues, pinks, and whites, with visible brushstrokes. Below the heart, a field of yellow and green grass is depicted, with several colorful flowers in shades of red, blue, and purple in the foreground. The overall style is expressive and painterly.

Аннет Ђове

Три грецких
ореха

Аннет Бове

Три грецких ореха

«Издательские решения»

Бове А.

Три грецких ореха / А. Бове — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-741058-2

Герои трилогии «Море у порога» и двух отдельных рассказов, вошедших в сборник, непохожи друг на друга, но так похожи на всех нас, единых в своем желании преодолеть самих себя — через боль, отчуждение и... юмор.

ISBN 978-5-44-741058-2

© Бове А.

© Издательские решения

Содержание

Море у порога	6
Бывший в употреблении	6
Верка	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Три грецких ореха

Аннет Бове

Иллюстратор Елена Никонорова

© Аннет Бове, 2024

© Елена Никонорова, иллюстрации, 2024

ISBN 978-5-4474-1058-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Море у порога

Бывший в употреблении

Море большим, неуклюжим животным, безразличным ко всему, ворочалось в тесных пределах суши. Волны лоснились своей сиреневато-черной поверхностью, как только что срезанная шкурка баклажана. Текучий шелк воды импульсивно колыхался, заставляя бородатого профессора то и дело впадать в дремоту, блуждать в потемках подсознания, в кривых переулках памяти с её тенями и сумраком. Возвращаясь из страны Морфея, он шурился на мягкий ультрафиолет италийского Аполлона и балканского Гелиоса, наперебой обжигавших бока небольшого острова посреди Средиземноморья.

Вдоль набережной, через весь сквер тянулась дорожка, едва присыпанная мелкими камнями и песком.

Ким был не в форме. От него несло едким ароматом перебродившей сливовой настойки. Мороженица явно не была настроена на кокетство. Чтобы отделаться от Кима, она вручила ему стакан газировки и покатила лоток прочь. Поклонившись ей в пояс, и чуть не расплескав напиток, Ким взял курс на скамейку, где в счастливом полубытьи профессор клевал носом. Ким плюхнулся рядом.

Смеркалось. Кое-где зажглись фонари. Из радио-динамиков слышался драматичный голос фортепиано. Изредка он замолкал, прерванный новостными вставками, которые выводили отдыхающих из томного вечернего расслабления.

Были и другие звуки, множество звуков, вплетавшихся в канву фортепианного концерта. На площади захлопали крыльями голуби, которых вспугнул бойкий маленький гонщик на трехколесном велосипеде. Неподалеку всхлипывал младенец; девушка-эмо хихикала от неловкости, когда дружок с фиолетовыми волосами нашептывал ей на ухо всякие колкости, остроумные и не очень. Недалеко от берега скользила по воде лодка, шлепали весла. На мангале у дерева шипели капли луково-томатного соуса, скатываясь с кусков мяса прямо на угли. Через дорогу, в подворотне, дворник скреб метелкой асфальт, насвистывая простенькую мелодию собственного сочинения, в то время как молодая официантка вскрикивала от наслаждения, когда опытный бармен прижимал её к горячей стенке гигантской кофеварочной машины. В квартире на втором этаже терьер тонко подвывал хозяйскому мальчишке, мучавшем на балконе скрипку. На перекрестке полицейский дул в свисток, а ветер дул ему за шиворот, вздыбливая рубаху.

Профессор очнулся, взял трость, поднялся, скрипя суставами, махнул Киму рукой и пошел неспешно, вороша песок и камни, дополняя средними частотами общую звуковую картину.

Ким хотел окликнуть его, но ссохшиеся голосовые связки ушли в отпуск по состоянию здоровья и экстренного возвращение по такому случаю у них не намечалось. Хотелось курить. Запустив руку в карман пиджака, на котором была только одна пуговица в районе груди, Ким тут же забыл, зачем он это сделал, но руку из кармана вынимать было лень. Уставившись на проползавшую по колену муху, он не заметил, как пальцы сами стали что-то собирать со дна кармана. Дав им волю, Ким продолжал лениво наблюдать, как насекомое терло передние лапки и шевелило головой.

– Так ли опасно глобальное потепление, как утверждают ученые вашего исследовательского центра? – безразлично спрашивал диктор, мечтая о липовом отваре.

– По нашим прогнозам наводнения ожидаются в самое ближайшее время в различных регионах, – бодрым голосом отвечал ученый представитель.

Ким стряхнул с колена отравленную алкогольными парами муху и вынул зажатый кулак на волю, раскрыл его, поднес ладонь к самому носу, заставляя руку не дрожать, и, закатив глаза, осторожно втянул в себя запах горстки табака, скатавшегося в твердые шарики и впитавшего в себя жизнь нестиранного вот уже месяца три пиджака.

Ким согнулся вдвое, безвольно бросив тело вниз между колен, заглянул под скамейку в поисках клочка бумаги или окурка. Под лавкой не оказалось ни того, ни другого. Ким, не в состоянии разогнуться, пару минут возил по песку тыльной стороной свободной от драгоценного табака ладони, опустив голову так низко, что слипшиеся в засаленные сосульки волосы стали путаться в шнурках его кроссовок. Упершись кулаком в землю, он обхватил другой рукой спинку скамейки и, пытаясь сохранить равновесие, выпрямился. С трудом поднялся на ноги и, покачиваясь, стал беспомощно озираясь по сторонам. На противоположном краю лавки лежала толстая книга в твердом переплете, вполне пригодная для самозащиты или для оглушения жертвы. Давно ли она лежала здесь незамеченной, или появилась мгновение назад из ничего, Кима не знал. Любая попытка сосредоточиться на какой-то мысли заставляла тысячи молотков вбивать гвозди во внутреннюю поверхность черепной коробки.

Подняв за уголок плотную обложку, Ким увидел мелкие строчки на тонких шелестящих листах, напоминавших кальку.

– Библия?

Ким закрыл книгу и с трудом прочел название:

– Энциклопедия юного изобретателя. Пойдет.

Он оторвал от первой страницы клочок и попытался соорудить самокрутку, добрую часть табака просыпав в песок. Трясущимися руками, едва угадав траекторию движения, поднес бумажку ко рту, лизнул, чуть не порезав язык.

Намертво зажав край самодельной сигареты зубами, вынул из брюк коробок, достал спичку, чиркнул, закурил и, не успев сделать больше ни единой затяжки, погрузился в смиренный сон. Ему снились корабельные снасти и шины велосипеда, бумажный снег и большой воздушный шар из голубых простыней; вымя деревенской коровы и пышная пена в чашке кофе-латтэ. Ему снился запах раздавленных на ладони плодов туи и жаренных в специях устриц. Ему снился цвет и звук, какого он никогда раньше не видел в своей странной, помутневшей жизни.

Казалось, прошло одно лишь мгновение. Ким проснулся в полубреду, стряхнул со вспотевшей ладони остатки табачных шариков, с натугой тяжелоатлета рывком приподнял книгу, притянул к груди, встал и пошел.

Сквер был пуст. На песке остались следы от колес тележки с мороженым и сгустки растаявшего шоколада. Музыка в динамиках смолкла, сменившись шипением, словно диктор остался в радиорубке и жарил там яичницу с помидорами. Ким был уставшим, голодным и не до конца протрезвевшим. Он автоматически брел в направлении дома, перекладывая неподъемную книгу из одной руки в другую.

Сквер, ворота, центральная улица. Витрины бутиков, мусорные контейнеры, бездомные коты. Песочница, стоянка автомобилей, подъезд.

Лифт-предатель остановился на четвертом, открыл двери и не желал двигаться дальше. Положив книгу на плечо, Ким хватался за поручни, подтягиваясь на руках и затем переставляя ноги по ступеням. Оставалось три этажа, которые он прошел, сделав ещё одну вынужденную остановку на лестничной площадке, злобно озираясь в сторону онемевшей шахты лифта, извергая в лицо проносающемуся мимо подъездному сквозняку неповторимые кудрявые ругательства. Воздух казался разреженным после мучительного пешего подъема, хотя квартира Кима уж точно не достигала горных высот.

Добравшись, наконец, до своего этажа, он сначала подошел к двери профессора и стал угрюмо пинать её.

– Эй, ты, борода, выходи, поговорить надо.

За дверью не было слышно ни звука.

Ким ковырял замочную скважину, откуда головокружительно тянуло коньяком.

– Книга твоя, что ли, или как?

Придавив обеими руками книгу к двери, стал колотить концом кроссовка в дверь, просто потому что ему было скучно, и не хотелось оставаться сейчас одному. Книгу он возвращать не собирался.

Не добившись реакции из осаждаемой квартиры, Ким поплелся домой.

Дверь квартиры несколько месяцев была открытой, потому что после скандала с женой, уехавшей вместе с дочерью на другой конец города, Ким выломал замок, чтобы она не могла вернуться и открыть дверь своим ключом, но нового так и не вставил. Жена ни разу не приезжала.

Надавив на дверь плечом, Ким ввалился внутрь, едва успев выставить ногу, чтобы не грохнуться в груды хлама, накопившегося в прихожей. Комнат здесь давно уже не было. Это напоминало конюшню с перегородками, оклеенными тусклыми обоями, будто лошадям они могли придать бодрости и аппетита.

Не снимая одежды и обуви, Ким грохнулся лицом вниз на комок рваных тряпок, едва напоминающий подушку. Книга плашмя с шумом упала рядом с кроватью.

Окончательно свихнувшееся радио без пауз болтало само с собой, повторяя по несколько раз одни и те же новости, прокручивая одну и ту же музыкальную нарезку.

Ким дотянулся до тумбочки, взял с неё стакан, полный окурков и со зверским выкриком швырнул в сторону неумолкающего аппарата. Тот издал жалобный писк, выплюнув какие-то вены-провода, покосился на стене и обиженно замолчал.

Всё погрузилось в забытие. Ким проспал рассвет.

* * *

Ещё не открыв глаз, Ким развернулся из лежачего положения в сидячее, спустил ноги с кровати и тут же с воплем отдернул. Сон в страхе шарахнулся в сторону окна, возвращая Кима к реальности, и улетел в режущее глаза июльским солнцем утро.

Продолжая держать ноги на весу, закрываясь ладонью от солнца, Ким посмотрел вниз. Штилем в двадцать сантиметров над поверхностью пола стояла вода.

Ким снова лег, до боли зажмурил веки и стал бить себя по щетинистым щекам. Потом он зажал уши и сделал десять глубоких вдохов и выдохов. Отвернулся к стене, укусил себя за предплечье и резко выкрикнул рычащую букву А.

Выдуманный в истеричном припадке ритуал не подействовал. Вода бесшумно качала на себе взмокшую книгу с листами, словно созданными для папирос. Вода подняла на свою поверхность всю пыль и грязь, обрывки газет, куски отвалившихся обоев, сваленную в противоположном углу гору грязной одежды, пивных и консервных банок. Чудом уцелевший во время вчерашнего покушения на радио стакан с окурками покачивался среди живописных последствий квартирного потопа. Дотянувшись до книги, Ким ногой притянул её по воде, выловил и, не отодвигая занавеску, сунул на подоконник.

«Лучше бы всё это занесло снегом» – подумал Ким.

Вода откровенно вывернула наружу весь ужас его морального и физического опустошения, обнажив язвы не просто холостяцкого быта, но омерзительную суть человеческого падения, к которому не способны даже животные: в них природой заложены инстинкты – есть пить, справлять свои нужды, производить потомство, но при этом следить за жилищем, за своей шерстью, мехом или перьями. Лишь духовная распушенность и личностный распад человека разумного, на протяжении всей истории своего существования доказывающего себе и миру, что с инстинктами нужно бороться, заставляет его утрачивать даже самые элементар-

ные из этих инстинктов в моменты безвольной слабости. Венец ли он творения или предельная точка упадка? Путь от первых бактерий до его появления – прогресс ли это или деградация? Судя по усложнению физического строения, нельзя не заметить движения вперед, но можно ли считать его дорогой к совершенству? Когда-нибудь вечная зима укроет собой этот уродливый мир людей, наивно полагающих, что, не сбивая бананы палкой с пальм, а научившись производить их из нефти, они стали лучше, чище, возвышеннее; что выдуманные ими и возведенные в истину понятия об эстетике и эталонах красоты могут выглядеть более, чем уродливо и трагично с объективных природных позиций, о которых они лишь догадываются, и даже догадавшись, отказываются от них, продолжая верить в то, что удобно, что вписывается в общепринятые представления о сути и сущности вещей.

На этом острове не бывало снега, который мог бы хоть на несколько дней скрыть своей белизной тлен окружающего мира с его проблемами, неумеренным тщеславием, алчностью и грязью во всех смыслах этого слова.

Ким вытащил вилку из поросшей мхом и пенициллином консервной банки, стоявшей на тумбочке, и заколотил ею по радиаторам, вмонтированным ниже подоконника. По количеству воды и по тому, что она, казалось, прибывала, было очевидно, что соседи сверху уже несколько часов подряд отсутствуют в квартире, раз до сих пор не заметили утечку. Хотя дело могло быть и намного серьезнее, если прорвало трубу центральной канализационной системы. В любом случае, чтобы это выяснить, нужно для начала встать, а сделать это, не замочив ног, не представлялось возможным – пока что грехи и беспробудное пьянство не способствовали тому, чтобы человек научился летать или ходить по воде.

Хотелось пить и успокоить отбойные молотки, раздиравшие голову. Хотелось безразличия ко всему, покоя и отсутствия мыслей, но для этого нужно было избавиться от физического дискомфорта. Ким закрыл глаза и представил снежную пустыню, скорее синюю, чем белую – без ветра, без солнца, без воздуха. Она была похожа на небо, только твердая и абсолютно плоская. Ким скользил по ней на своей кровати, словно на санях, лежа на спине и едва отталкиваясь руками от поверхности. Он ловил ртом белых мух в надежде, что, растаяв, он утолят его жажду. Они жужжали у него под небом, били или кололи острыми крыльями язык и гортань, а затем через нос вырывались на свободу. Ким боялся их глотать, чтобы они не испортили ему желудок. Они пахли ментолом и приятно охладили сознание, утомленное постоянной пьяной бессонницей, неправильным питанием или абсолютным отсутствием какого бы то ни было питания вообще. Сознание утратило привычку анализировать, сопоставлять, делать логические выводы, обобщать, абстрагироваться, искать причины и предполагать следствия.

Для того, чтобы подняться нужно было простейшее волевое решение, которые мы принимаем сотни раз на дню, но Ким давно не способен был и на это. Он ничего не решал, он просто поднялся, спустил ноги в воду и, не глядя вниз, пошел к дверному проему, ведущему в коридор. Остановившись в нерешительности, Ким оглядывал плохо освещенное пространство. Вода была по всей конюшне на одинаковом уровне. В уборной она поднялась настолько, что угрожала смешаться с содержимым ватера и вынести его наружу, хоть это мало бы навредило и без того сомнительному состоянию квартиры. Не было смысла заглядывать на кухню, предполагая там аналогичную ситуацию. Кроме того, не хотелось видеть загаженный тараканами обеденный стол и встречаться с упрекающим взглядом пустого холодильника, отключенного на прошлой неделе и тоскливо разинувшего пасть. Дверь в бывшую спальню была закрыта с момента последнего семейного скандала и отъезда жены и дочери. Там всё оставалось нетронутым, и теплилась надежда, что если дверь не открывать, то таким оно и останется, не потревоженное водой, как всё остальное снаружи.

Вода по брюкам поднялась почти до колен. Нельзя сказать, что Киму это не доставляло определенного удовольствия. Прохлада снимала напряжение и успокаивала похмельный синдром. Он выловил проплывавшее мимо древко от швабры и стал колотить в потолок, пока

у него не затекла шея, и не защемило между лопатками. Ждал ли он результата? Скорее всего, нет. Он не ждал ничего.

Раздвигая болтавшийся повсюду мусор, он стал пробираться к входной двери. С видимым усилием нажал ручку, удерживая дверь, опасаясь, что вода хлынет на лестничную площадку. Ничего подобного не произошло. Дверь не была вытолкнута потоком наружу, даже когда Ким перестал её придерживать. Более того, она не поддалась, даже когда он стал на неё надавливать, словно кто-то стоял с другой стороны, подперев спиной.

Споткнувшись о кусок наждачного камня, валявшегося на полу, вернее, теперь уже на дне, Ким пошатнулся, отступил и чуть было не грохнулся в воду. В последний момент он ухватился за шкаф, но не смог выпрямиться, сбитый с ног волной. Входная дверь открывалась, словно в замедленном действии, выгибаясь всем своим существом, не столь прочным и устойчивым, чтобы сопротивляться силе, давившей снаружи. Стена воды, высотой в человеческий рост, стремительно ворвалась в сообщающийся сосуд квартиры, за считанные секунды поднявшись Киму до пояса, плеснув ему в лицо и грудь. Он непроизвольно заслонился руками, словно защищаясь от внезапного нападения, не сразу поняв, что именно сейчас произошло. Облизав губы, почувствовал соль и привкус йода. К руке прилипло что-то холодное и живое. С брезгливостью, которая может показаться странной для опустившейся на дно личности, стал отряхивать руки. В воду плюхнулась небольшая желтобрюхая рыбка с черной поперечной полоской и тут же присоединилась к стайке своих сородичей, суевившихся между штанинами.

Он всё ещё надеялся проснуться, очнуться, отрезветь. Где-то глубоко внутри почувствовалось шевеление ростка паники. Ким подумал, что если так будет продолжаться, то скоро он снова пообещает самому себе бросить пить и отправится в лечебницу, что случалось не единожды, хотя всякий раз неминуемо завершалось рецидивом.

Он стоял, подняв обе руки вверх, готовый сдаться в плен, но выжить. Пахло морем и страхом. Ким не умел плавать.

Вдруг ему очень захотелось жить. Не потому, что он осознал ценность своего существования, но, вероятно, это был единственный природный инстинкт, неподвластный даже разьедавшей личность алкогольной зависимости.

Болезненные просветления всегда настигали его из-за отсутствия нужной дозы алкоголя. Но, не смотря на неимение постоянной работы и на полную растрату скудных сбережений, всегда можно было заработать на дешевую выпивку, открывая дверь грузным покупателям клиентам супермаркетов или таская мешки в порту.

Но сейчас нужно было выбирать, искать помощи и хоть какого-то объяснения происходящему. Почему никто из соседей не вызвал аварийную службу? Откуда вся эта вода? И как она могла подняться так высоко по подъезду?

По возможности быстро Ким вернулся в комнату в поисках документов, хранящихся в жестяной коробке из-под печенья. Он плавала у ножки стула и размеренно билась об неё словно от прибора. Схватив коробку, Ким оглядел комнату. Что бы вы взяли на необитаемый остров? – спрашивали когда-то в детстве учителя. Нож, спички, увеличительное стекло, соль и... Библию? Разрешалось назвать лишь пять вещей. Сейчас Ким не нашел бы и одной из них. Спички и те вымокли, сера на них разбухла и отвалилась, плавая с остальным мусором по квартире.

Ким повернулся, чтобы уйти, но в последний момент решил взять книгу с подоконника, надеясь раздобыть табаку. Вынул из-под подушки пачку конвертов, перетянутую грязным шнурком. Когда-то Ким очень любил писать письма. Телефонные разговоры казались ему пустыми, формальными. А в письмах он покорял любого оппонента и мог покориться сам. В них можно было заглядывать, перечитывать, брать полезную информацию, выискивать советы и рекомендации, вспоминать о приятных моментах, наслаждаться слогом и стилем собеседника, осознавая, что отчасти проникаешь куда-то глубоко в его душу, ведя длитель-

ную насыщенную переписку. Ещё он всегда говорил: если хочешь получить письмо от судьбы, напиши ей первым.

Недлинным был бы список имущества, случись ему составить завещание прямо сейчас. Да и на чье имя? Кому нужна связка писем, паспорт с разорванной коркой и пятикилограммовая книга, годная лишь для того, чтобы в её листы заворачивать табак? Разве что пошла бы в лоток соседскому коту, разорванная на мелкие клочки.

Потянувшись за книгой, Ким зацепился за край выгоревшей занавески, и, теряя равновесие, ухватился за неё свободной рукой. Трухлявая гардина не выдержала, сорвалась с гвоздей, перелетела через плечо, и стукнула ему между лопаток. Ким запутался в накрывшей его занавеске и с размаху хлопнулся спиной назад, погрузившись с головой в полную мерзости соленую воду. В какой-то момент ему показалось, что сейчас он вполне может в панике захлебнуться и утонуть среди отходов собственного нечистоплотного существования. Поднятая с полу бурая муть забивала рот, колола глаза. Правое предплечье горело от какой-то режущей раны и даже через воду Ким почувствовал вкус крови.

Сквозь взбаламученную воду Киму послышался чей-то смех или плач. На секунду он перестал бороться и замер. Может быть, он стал понимать язык дельфинов? Это мысль его позабавила. Шаря вокруг себя, он наткнулся на ножку кровати и одной рукой подтянул себя к ней.

Встать не удалось, но голова оказалась на поверхности и он смог отдышаться, хватая воздух и отплевываясь от налипшей к губам грязи. Где-то вдалеке действительно плакал ребенок, или стонала женщина, но Ким всё ещё не был уверен, что это не плод его одурманенного сознания. Упираясь ногами в скользкий илистый пол, Ким поднялся, размахивая волосами, словно бездомный пес, только что принявший ванну в луже. Облокотившись о стол, стал разглядывать поврежденную руку. За подкладкой рукава нашел крышку от консервной банки. Вспоротая ткань пиджака интенсивно краснела прямо на глазах. Ким снял мокрую одежду и рассмотрел порез. Он не был глубоким, но видимо, задело сосуды, и кровь текла, не переставая.

Кое-как перевязав рубашкой рану, Ким натянул на плечи пиджак, выловил книгу, жестяную банку с документами, письма и, еле удерживая всё это одной рукой, выпрямился. Из окна дунуло свежестью и тайной, от которой лицо Кима непроизвольно исказилось в изумлении и ужасе. Он готов был снова грохнуться на пол, но на этот раз ему удалось удержаться на ногах. За окном он не увидел ни городского стадиона, ни старого центрального района с его узкими улочками, где он вырос, ни парка, где провел вчерашнюю ночь – всё вокруг было сплошь укрыто тихой водной гладью. Сделав шаг вперед, Ким перегнулся через подоконник и глянул вниз. Вода нежно плескалась прямо под его окном. То есть, все семь этажей самой высокой в городе шестнадцатизатяжки были затоплены. Вокруг ни души, только чей-то тихий стон. Под окнами соседней слева квартиры плавало красное пластмассовое ведро, очевидно, всплывшее из дворовой песочницы.

С трудом выбравшись на площадку, Ким буквально поплыл к двери квартиры профессора. Вода постоянно прибывала. Теперь она доходила Киму до груди. За дверью яростно орал профессорский кот.

– Ну, не ребенок, значит. Профессор, эй, открывай! Хватит дуться, сейчас не до того.

Из-за двери никто не отзывался, только кот завопил ещё сильнее.

– Ты там его за хвост тянешь, что ли?

Ким вернулся в квартиру, нашарил на шкафу пыльный ящик с инструментами. Вынул оттуда стамеску.

Дверь квартиры была закрыта на один лишь язычок замка, поэтому он поддался без особых проблем. Но открыть дверь оказалось сложнее – вода не пускала. Всё-таки вдавив её немного внутрь, Ким протиснулся в образовавшуюся щель. Повсюду плавали книги, какие-то мертвые бабочки, размокшие и разбухшие, гусиные перья и ароматические палочки.

– Профессор, вы здесь?

Отвечал только кот.

– Да слышу я тебя, наглое животное.

Проплыв к двери в зал, Ким остановился в нерешительности. Сквозь зеленую воду он увидел кресло, качавшееся у самого пола, в котором сидел мертвый профессор. Руки его были привязаны к ручкам, а тело немного поднялось над сиденьем.

По краю шкафа носился взъерошенные полосатый кот, округлив полные страха глаза. Ким добрался до него и позвал к себе. Руками он не мог дотянуться, расстояние было приличное. Прикрыв лицо, Ким поднялся на носки, насколько это было возможно. И тут когти вонзились ему в голову, в шею, в ухо. Кот спрыгнул прямо на него, цепляясь изо всех сил. Ким с трудом снял его с головы, прижал к себе чуть выше груди. Кот снова впился в него когтями, и ослабил хватку, только когда они поднялись на следующий, ещё незатопленный этаж.

К тому моменту вода почти доверху погребла квартиру профессора, и почему-то оставалась.

Что-то подсказывало Киму, что дом пуст, а, профессор, как капитан, просто решил уйти на дно вместе с кораблем.

Доплыв до своей конюшни, Ким взял книгу, прижал к себе кота и поднялся на следующих этаж.

Взломав одну из дверей, он добрался до холодильника. Набросился на пиво, но умудрился остановить себя, поест и покормить кота. Оба развалились на полу тут же, у холодильника. Нужно было обдумать план дальнейших действий, но дельных мыслей не было.

Повернувшись на бок и подперев голову рукой, Ким обратился к коту:

– Что будем делать?

То оторвался от облизывания лап, глянул недоуменно на Кима, и вернулся к своему занятию.

– Надо же нам как-то отсюда выбираться, а?

Снова лег на спину и уставился в потолок.

– Надо подниматься на крышу. Вниз ходу нет, а там хоть с вертолета нас увидят. – Повернул голову к коту, – Ведь они пришлют вертолеты, как думаешь?

Кот зевнул и растянулся рядом.

– Ты никак не думаешь. Хорошо тебе: ни похмелья, ни головной боли. Только что чуть не издох там, внизу, а теперь уже лежит довольный, с набитым брюхом. А ещё говорят, что животные предчувствуют катастрофы.

Ким встал и подошел к окну. Пейзаж не изменился – кругом было море.

– Надо обследовать все квартиры до самого верха. Людей-то в них, я думаю, нет – сбежали все, а меня не разбудили даже. Собрать еду, одежду, подняться на крышу и развести там костер. Думаю, под утро вода снова начнет прибывать, так что рассиживаться некогда.

Обследовав одну за другой все квартиры, Ким поднял наверх всё, что ему показалось полезным. Там же он нашел чуть отсыревший табак, и на одном из листков книги рассыпал его на крыше на просушку. Аккуратно накрыл его ещё одной страницей и придавил по краям осколками кирпича.

На чердаке он нашел кучу всякого старья, из которого получился отличный костер. Продукты он собрал на последнем этаже, забив теми, что портятся быстрее, холодильники во всех квартирах.

На крыше поставил некое подобие палатки на случай дождя, натянув кусок брезента, найденный на чердаке, между ближайшими антеннами.

Развел костер и стал его подкармливать.

В одной из квартир он обнаружил небольшой бинокль:

– Слабенький, но хоть что-то. Хочешь глянуть? – спросил он у кота. Но тот в ответ только вяло вильнул хвостом и зажмурился.

Ким разглядывал окрестности, крыши ближайших домов, в надежде увидеть такого же робинзона на одной из них, но ничего интересно не обнаружил.

* * *

Всю ночь Ким пытался поддерживать огонь, но под утро всё же уснул, и тот затух. Разведя его заново, Ким спустился за едой. Зашел в ванную и тоскливо скривился у зеркала:

– Кот и то умывается каждые полчаса.

Он открыл пару шкафов, увидел там йод, вату, обработал уже практически переставший кровоточить порез. В другом отсеке он обнаружил новые одноразовые бритвенные станки и впервые за долгое время нормально выбрился. С удовольствием похлопывая по свежим, спрыснутым одеколоном щекам, Ким подмигнул сам себе:

– Ещё побарахтаемся?

В приподнятом настроении, заставляя себя не думать о выпивке, он перевернул с ног на голову пыльный чердак. Помимо новых запасов легко воспламеняющегося хлама для костра, поднял на крышу всё, что хоть как-то напоминало технику: детскую коляску, радиоприемник, четыре велосипеда различной степени испорченности и для разных возрастных категорий – от пяти-шести лет до бесконечности; две стиральные машинки, пылесос и велотренажер «Полет» со сломанной системой установки режима нагрузки и без опоры для рук. Под завалами он обнаружил огромный деревянный сундук, полный туристических принадлежностей.

– Удочки. Хорошо, Кот будет рад поживиться свежей рыбкой. Палатки? Тоже не мешают. Резиновые сапоги. Ну, не знаю, не знаю, воды-то далеко не по колено. Сожжем. Дым от них будет хороший. Почему вот нет бревен, досок? Почему мы не в лесу, а? Сейчас быстренько соорудили бы плот и дело с концом. Эх...

Разложив в рядок добычу, Ким стал прохаживаться вдоль неё, обхватив ладонью подбородок.

– Так... Начнем работу с перекура.

Ким убрал камень, снял книжный листок с высохшего уже табака.

– Вот мы какие сухие, – бормотал Ким, ссыпая табак в небольшую обувную коробку, – будем дымить и пыхтеть за милую душу.

Страхнув последние крошки с листа, он хотел было смять её и бросить в ненасытный костёр, но что-то его остановило. Он снова положил книжную страницу на крытую рубероидом крышу, разгладил бумагу руками и стал внимательно разглядывать.

– Забавные картинки, – сказал он, предчувствуя неожиданное открытие, – Какой-то странный велосипед... с крыльями. Хм. Черт возьми! Эй, как там тебя, Кот, ты видел велосипеды с крыльями?

Ким вскочил и заплясал вприсядку:

– Ну, профессор, ну, человек!

Кот недоверчиво мяукнул.

– Что? Ты боишься высоты? А воды ты разве не боишься? Не знаю, как ты, но я пловец так себе.

Крутя педали велотренажера, потев от давно забытой, но приятной физической нагрузки, Ким на согнутых и прижатых локтями к животу руках держал тяжелую профессорскую книгу и читал вслух, время от времени поглядывая на Кота, будто проверяя, слушает ли, понимает ли.

К вечеру он высчитал точные масштабы модели, способной выдержать его вес, ну, и, конечно, вес Кота и провизии. Разрезав на куски одну из палаток, вычертил на них детали будущих крыльев. Из легких металлических прутьев разной величины, добытых из всей этой

техники, поднятой на крышу, соорудил каркас, сплел корзины из проволоки: одну, в мелкую дырку – для кота, другую, с дырками покрупнее – для провизии.

– Так, на сегодня умственного напряжения я больше не вынесу, – решил Ким.

Он установил вторую палатку, и попробовал включить радиоприемник. Конечно, он не работал. Вынув батарейки, Ким попытался их оживить хоть на какое-то время, стукнув по ним пару раз кирпичом.

«...удалось справиться с последствиями наводнения без человеческих жертв. Жители были эвакуированы заблаговре...» – зашипел далекий голос сквозь помехи, и приемник отошел в мир иной.

– Значит, эвакуированы, да? – стиснув зубы, едва сдерживая слезы, тихо сказал Ким, – без человеческих жертв, заблаговременно?

Ким вскочил и зашагал по крыше, пиная всё, что попадалось на пути. Кот предусмотрительно отбежал на расстояние и наблюдал, сверкая глазами.

Ким остановился, вскинул стиснутые кулаки в небо, и завопил, что есть мочи:

– Я, я жертва! Я тоже человек!

Небо молчало, ослепляя холодной голубизной.

Ким обессилено опустился, лег лицом на горячее покрытие и зарыдал. Кот не спеша подошел к нему, взобрался на дрожащую спину, вцепился в неё когтями и тут же отпустил.

Ким перевернулся, взял Кота на руки.

– Кому я нужен? Никто за мной не прилетит. Да они и знать не знают, что я здесь. Но ты-то чем виноват?

Кот заурчал.

– Ничего, вот выберемся отсюда и покажем им, чего мы стоим, правда?

Ким прижал Кота с такой силой, что тот не вытерпел такой нежности, выбрался из объятий и уселся неподалеку.

* * *

На рассвете Кима разбудил плеск воды. Сонный, он подбежал к краю крыши и увидел море в нескольких метрах от себя. Это означало, что незатопленным оставался только последний этаж и чердак. Ким понял, что времени на размышления больше нет, и до следующего утра они с Котом должны будут либо улететь, либо погибнуть.

Ким без промедления взялся за работу. Установил корпус самого большого из четырех велосипедов между двумя бетонными блоками. Открутил колеса. Собрал и отладил систему передачи движения от колес, через цепь к механизму управления крыльями. Вырезал начерченные на палатке детали, сшил их и натянул на легкий, но прочный каркас из гибкой стальной проволоки и прутьев. Укрепил коробку для провианта в сетку больших размеров. В меньшую поставил коробку для кота, в которой проделал несколько вентиляционных отверстий. Положил туда мягкую подстилку и приладил устройство для подачи воды.

– Да, Кот, это единственное, что мы будем пить. Греться нам ни к чему. Я накину одну из курток, которые нашел на десятом этаже, кроме того, я всё время вынужден буду крутить педали. А ты в коробке и в естественной шубе. И даже не уговаривай меня – никаких фляжек с коньяком.

В коробке с провиантом, до которой можно было дотянуться рукой, не вставая с сиденья, Ким установил пластмассовую канистру, перевернув её вниз головой. Закрепил рычаги, ведущие к хвостовому устройству, управлявшему направлением движения.

Ким водрузился на сиденье, поставил ноги на педали и попробовал их прокрутить. Крылья, скрипя механизмами, стали сгибаться в суставах, распрямляться и снова сгибаться. Сначала движения были медленными и рваными, но потом всё больше стали напоминать взмахи

крыльев, и аппарат, подхваченный в какой-то момент потоком воздуха, сантиметров на двадцать оторвался от крыши.

– Работает, работает! – завопил Ким, напугав Кота своим воплем.

Испытать конструкцию более основательно не было ни времени, ни возможности. Оставалось только надеяться на точность расчетов, взятых из книги, и на прочность подручных материалов.

Накрыв летательный аппарат простыней, Ким взял кота на руки, и отправился за провиантом.

– Знаешь, как этот уродец называется? – спросил он у кота, – Махолет, приводимый в действие мускульной энергией пилота. Слышал о таком? Не хочу тебя пугать, но они не выдержали испытания дальними перелетами с большим весом. Кроме того, меня смущает определение «мускульный». Тренировками я себя последние месяцы не утруждал. Да...

Выудив необъятных размеров зеленый рюкзак из сундука, он спустился на шестнадцатый этаж. Вода неподвижно стояла между пролетами. Пока неподвижно.

– Что ж, самое необходимое собрано. Если тратить экономно, то должно хватить на пару суток. По моим расчетам до континента мы должны долететь раньше. Если, конечно, у меня ноги не отвалятся от бесконечного верчения педалей, и мы не пойдем на корм акулами. Остался последний штрих. Примем душ и побреемся на прощание. Кот, ты не хочешь побриться? Весить будешь меньше.

Кот лениво потянулся, вильнул кончиком хвоста.

– Ладно, жди меня здесь.

Через полчаса Ким вышел из ванной. Надушенный, гладко выбритый, в белоснежной рубашке.

Кот недоуменного разглядывал его.

– Знаю, знаю, за два дня всё равно щетина вылезет, и рубаша пропотеет. Да и вообще неизвестно, долетим ли. Но пусть хотя бы эта предположительная встреча с цивилизацией будет подготовлена на все сто процентов. Как ты считаешь?

Вернувшись на крышу, Ким тоскливо осмотрел окрестности в бинокль. Вторая по высоте городская многоэтажка почти целиком ушла под воду. Вдалеке виднелась маковка трансляционной башни. На горизонте море перетекало в небо, образуя замкнутое пространство под солнцем, где Киму давно отказали в месте. Но он был решительно настроен это место себе вернуть, отвоевать... или погибнуть.

К пяти часам вечера жара немного отступила. Всё было готово к полету.

Вода слишком близко подходила к поверхности крыши, поэтому пространства для разгона не было. Набирать скорость было негде. Определив направление ветра, в самом подходящем для начала полета месте Ким установил аппарат там, надеясь поймать попутный ветер.

– Кот, прошу пожаловать в кабину второго пилота.

Кот нехотя влез в коробку. Ким прикрепил шланг для подачи воды булавкой к воротнику. Надел солнцезащитные очки, надвинул на глаза бейсболку с длинным козырьком.

– Пристегните ремни. От винта!

Ким надавил на педали. Движения крыльев должны были быть не столько быстрыми, сколько равномерными. Нужно было реагировать на порывы ветра, на смену его направления, но эти навыки Киму придется освоить уже во время полета.

Минут десять он крутил педали впустую, ожидая мощного порыва. Кот иногда подавал голос из коробки. Ким отвечал ему, и тот успокаивался на время.

Вдруг аппарат рвануло с места, качнуло, завалило на бок. Он взметнулся вверх, но тут же резко накренился влево и пошел вниз. Ким усиленно крутил педали, пытаясь выровнять полет и набрать высоту. Какое-то время он едва удерживал аппарат в нескольких десятках сантиметров над поверхностью моря. Наконец, его подхватило потоком и понесло вверх.

– Прощай, – крикнул Ким удаляющейся в прошлое высотке.

Поднявшись на достаточную высоту и немного освоившись с управлением, Ким смог на какое-то время прекращать вращение педалей, и наслаждался фланирующим полетом.

Солнце припекало, но, назло ему, суставы летательного аппарата, собранного Кимом, не были скреплены воском.

Земля внизу чуть заметно округлялась по краям. На море кудрявилась пена без конца убегających и догоняющих друг друга волн.

Верка

Перед глазами старой трескучей кинолентой мелькали воспоминания. Черно-белое, выцветшее, обгоревшее по углам детство, цветастая косынка матери, драки и примирения со старшим братом, уход отца. Немое кино школьных лет, ободранные колени, обломанные ветви соседской вишни, рты, черные от кожуры неспелых ещё, но таких предательски сладких грецких орехов. Перемигивания колесных спиц, растрепанные волосы, закатанная штанина и следы мазута от велосипедной цепи на упругой мышце голени.

Уже поступив в медицинское училище, Верка продолжала неистово крутить педали верного двухколесного друга, перекидывая длинную тонкую ногу через далеко не дамской высоты раму. Заложив руки в замок за спиной, лихо летала «без руля» по новехонькому асфальту, издающему терпкий смолянистый запах молодости, задора, опасности и риска. Лазала по деревьям, падала, набивала синяки, которые сама же потом и лечила, всхлипывая и костеря себя за неловкость.

Верка была стремительной, как мысль, жадной до жизни. При первой же возможности она унеслась из родного дома и поселилась в смешанном студенческом общежитии. Так же быстро выскочила замуж за молодого автомеханика Витьку. Вместе они вернулись в родной посёлок.

Верка с Витькой были хорошей парой. Они, что называется, существовали на одной волне сумасшедшей радости и ненасытности.

Через год они родили прекрасную розовощекую двойню. Витька сходил с ума от гордости, получив сразу и мужика-наследника, и курчавую девчушку – бальзам для души. Он был неистовым отцом, неутомимым, любящим двойняшек до щемящего безумия.

* * *

Когда дети пошли в школу, семье дали новый государственный дом. Неподалеку, на соседней улице, жила одинокая тетя Зоя – Веркина свекровь. Они с Витькой часто сплавляли ей двойню, а сами бегали в Дом культуры на танцы. Молодость брала своё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.